

rocket**book**

ЧАРЛЬЗ БУКОВСКИ

Музыка горячей воды

Чарльз Буковски

Музыка горячей воды

Серия «Pocket-book»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30480390

Музыка горячей воды: Эксмо; Домино; М., СПб; 2012

ISBN 978-5-699-51194-5

Аннотация

Чарльз Буковски культовый американский писатель XX века, чья европейская популярность всегда обгоняла американскую (в одной Германии прижизненный тираж его книг перевалил за два миллиона), автор более сорока книг, среди которых романы, стихи, эссеистика и рассказы. Несмотря на порою шокирующий натурализм, его тексты полны лиричности, даже своеобразной сентиментальности. Буковски по праву считается мастером короткой формы, и единственный в его позднем творчестве сборник рассказов, «Музыка горячей воды», яркое тому подтверждение: доводя свое фирменное владение словом до невероятного совершенства, Буковски вновь проводит своего лирического героя – бабника и пьяницу, явное альтер эго автора, по всем кругам современного ада.

Содержание

Грубее саранчи	5
Ори, горя	14
Парочка приживал	26
Великий поэт	35
Ты Лилли целовал	42
Пламенная дамочка	51
Мир отвратителен	60
900 фунтов	67
Упадок и разрушение	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Чарльз Буковски

Музыка горячей воды

© М. Немцов, перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

* * *

Михаэлю Монтфорту¹

---

¹ Михаэль Монтфорт (1941–2008) – немецко-американский фотограф, друг и соавтор Чарльза Буковски по нескольким книгам, в частности «Шекспир такого никогда не делал» (1979). (Здесь и далее прим. переводчика.)

Грубее саранчи

– Хуйня, – сказал он. – Устал я от художеств. Пойдем выйдем. Я устал от вони краски, устал быть великим. Ждать смерти устал. Пойдем выйдем.

– Куда? – спросила она.

– Хоть куда-нибудь. Поедим, выпьем – посмотрим.

– Порт, – сказала она. – Что я буду делать, когда ты умрешь?

– Жрать будешь, спать, ебстись, ссать, срать, наряжаться, гулять и гундеть.

– Мне надежность нужна.

– Всем нужна.

– Мы ж не женаты. Я даже твою страховку не получу.

– Не страшно, не переживай. А кроме того, Арлин, ты ведь сама против брака.

Арлин сидела в розовом кресле и читала вечернюю газету.

– Ты говоришь, с тобой хотят переспать пять тысяч женщин. А мне куда деваться?

– Пять тысяч и одна.

– По-твоему, я себе другого мужика не найду?

– Нет, это как раз легко. Ты себе другого найдешь за три минуты.

– По-твоему, мне нужен великий художник?

– Нет, не нужен. Сойдет и хороший сантехник.

– Да, если будет меня любить.

– Само собой. Одевайся. Пойдем выйдем.

Они спустились по лестнице с мансарды. Вокруг – сплошь дешевые углы, тараканами кишат, но никто вроде не голодает: такое впечатление, будто вечно что-то варят в больших кастрюлях, а сами вокруг сидят, чистят ногти, пиво пьют из банок или пускают по кругу высокую синюю бутылку белого вина, орут друг на друга, смеются, пердят, рыгают, чешутся или дремлют перед телевизором. На свете не много людей с большими деньгами, но, судя по всему, чем меньше денег у людей, тем лучше эти люди живут. Им нужны сон, чистые простыни, еда, выпивка, мазь от геморроя – и все. И двери у них всегда приоткрыты.

– Дурачье, – сказал Йорг, когда они спускались по лестнице. – Транжируют свою жизнь и засоряют мою.

– Ох, Йорг, – вздохнула Арлин. – Ты же просто не *любишь* людей, правда?

Йорг вздернул бровь, не ответил. На его чувства к массам Арлин всегда отвечала одинаково: как будто не любить людей – непростительный душевный недостаток. Но ебаться с ней было отлично, а сожительствовать – приятно; почти всегда.

Они вышли на бульвар и зашагали дальше: Йорг со своей седой рыжей бородой, ломаными желтыми зубами, вонью изо рта, багровыми ушами, испуганным взглядом, в захезанном драном пальто, в руках – трость с набалдашником из

слоновой кости. Лучше всего ему бывало, когда совсем херово.

– Блядь, – сказал он. – Все срет, пока не сдохнет.

Арлин покачивала задницей, совершенно этого не скрывая, а Йорг колотил тростью по тротуару, и даже солнце глядело на них сверху и говорило: Хо-хо. Наконец дошли до старой развалюхи, где жил Серж. И Йорг, и Серж художествовали уже много лет, но лишь совсем недавно за их работы начали платить чуть больше поросячьих хрюков. Они голодали вместе, а слава обрушилась на них порознь. Йорг с Арлин вошли в гостиницу и стали подниматься. В коридорах смердело йодом и жареной курицей. В одном номере кого-то ебли, и этот кто-то даже не пытался ебли скрывать. Доползли до мансарды наверху, и Арлин постучала. Дверь чпокнула – за ней стоял Серж.

– Ку-ку! – сказал он. И покраснел. – Ой, извините... прошу.

– Что это с тобой? – спросил Йорг.

– Садитесь. Я думал, это Лайла.

– Ты играешь с Лайлой в прятки?

– Да это фигня.

– Серж, послал бы ты эту девчонку. Она тебе мозг ест.

– Она мне карандаши точит.

– Серж, она слишком юная для тебя.

– Ей тридцать.

– А тебе шестьдесят. Разница – тридцать лет.

– Тридцать лет – слишком много?

– Конечно.

– А двадцать? – спросил Серж, глядя на Арлин.

– Двадцать лет – приемлемо. А тридцать – непристойно.

– Поискали бы, ребята, баб своих лет, а? – спросила Арлин.

Оба на нее посмотрели.

– Шутить она любит, – сказал Йорг.

– Да, – подтвердил Серж. – Смешная. Ладно, давайте я вам покажу, что делаю...

Они зашли за ним в спальню. Серж скинул ботинки и растянулся на кровати.

– Видите? Вот так. Со всеми удобствами. – Кисти Серж посадил на длинные ручки и писал по холсту, прибитому к потолку. – Спина, понимаете. Десять минут без перерыва – и все. А так можно часами.

– А краски тебе кто смешивает?

– Лайла. Я ей говорю: «Сунь в синюю. А теперь немного зелени». У нее неплохо получается. Со временем, наверно, пусть и кистью тоже машет – а я буду валяться, журналы читать.

С лестницы донеслись шаги Лайлы. Она открыла дверь, прошла через первую комнату, заглянула в спальню.

– Ого, – сказала она. – Я гляжу, старый ебила за кисть взялся.

– Ну, – сказал Йорг. – Говорит, ты ему спину попортила.

– Ничего я не говорил такого.

– Пойдемте поедим, – сказала Арлин.

Серж застонал и поднялся.

– Вотей-богу, – сказала Лайла. – Только валяется, как больная жаба, и больше ничего.

– Мне выпить надо, – сказал Серж. – И я опять буду как огурчик.

Вместе они вышли на улицу и направились к «Овечьему рунцу». Подбежали два молодых человека, не старше тридцатника. Оба – в свитерах под горло.

– Эй, вы же художники – Йорг Свенсон и Серж Маро!

– Прочь на хер с дороги! – сказал Серж.

Йорг размахнулся тростью. Молодому человеку, что был пониже, попал точно по колену.

– Блядь, – сказал молодой человек, – вы же мне ногу сломали!

– Очень на это надеюсь, – ответил Йорг. – Может, будешь повежливей!

Подошли к «Рунцу». Едоки загудели, когда компания вступила внутрь. К ним моментально кинулся метрдотель – кланялся и размахивал веером меню, улещивал по-итальянски, французски и русски.

– Ты глянь, какие длинные черные волосы у него в носу, – сказал Серж. – Тошнит, честное слово!

– Да, – ответил Йорг и заорал метрдотелю: – НОС УБЕРИ!

– Пять бутылок лучшего вина! – завопил Серж, когда они

уселись за лучший столик.

Метрдотель испарился.

– Ну вы и засранцы, – сказала Лайла.

Йорг погладил ей ляжку изнутри.

– Двум живым бессмертным излишества позволительны.

– Йорг, убери лапу с моей пизды.

– Она не твоя. Это пизда Сержа.

– Убери лапу с пизды Сержа, а то закричу.

– Воля моя слаба.

Она закричала. Йорг убрал руку. Метрдотель подкатил к ним тележку с ведерком, в ведерке – охлажденные бутылки. Подъехал, поклонился, вытащил одну пробку. Налил Йоргу. Тот махом выпил.

– Моча, но сойдет. Открывай!

– Все?

– Все, придурок, и *побыстрей* давай!

– Какой неуклюжий, – сказал Серж. – Ты погляди. Обедать будем?

– Обедать? – спросила Арлин. – Вы же только пьете. Я, по моему, ни разу не видела, чтоб вы ели. Только яйца всмятку.

– Сгинь с глаз моих, трус, – велел Серж метрдотелю.

Метрдотель сгинул.

– Нельзя так с людьми разговаривать, ребята, – сказала Лайла.

– Мы свое уже уплатили, – ответил Серж.

– У вас права такого нет, – сказала Арлин.

– Наверно, – сказал Йорг, – но так интереснее.

– И как вас люди только терпят? – спросила Лайла.

– Люди терпят то, что терпят, – ответил Йорг. – И похуже вытерпят.

– Им только ваши картины нужны, а больше ничего, – сказал Арлин.

– Мы *сами* – наши картины, – сказал Серж.

– Бабы дуры, – заметил Йорг.

– Ты потише, – сказал Серж. – Они еще бывают способны на кошмарную месть...

Просидели пару часов – пили вино.

– Человек грубее саранчи, – наконец произнес Йорг.

– Человек – сточная труба вселенной, – сказал Серж.

– Ну вы и засранцы, – сказала Лайла.

– Еще какие, – подтвердила Арлин.

– Давай сегодня махнемся, – предложил Йорг. – Ты выебешь мою пизду, а я твою.

– Ох нет, – сказала Арлин. – Только не это.

– Ну да, – подтвердила Лайла.

– Творить охота, – сказал Йорг. – Пить скучно.

– Мне тоже творить охота, – сказал Серж.

– Пошли отсюда, – сказал Йорг.

– Послушайте, ребята, – сказала Лайла. – Вы же по счету не расплатились.

– *По счету?* – завопил Серж. – *По-твоему, мы станем платить за это пойло?*

– Пошли, – сказал Йорг.

Пока они вставали, подскочил метрдотель со счетом.

– *Пойло у тебя смердит, – завопил Серж, подпрыгивая на месте. – Как только язык поворачивается просить денег за эту дрянь? Вот тебе – чтоб знал, что это моча!*

Серж схватил недопитую бутылку, рванул сорочку на груди метрдотеля и вылил вино ему за пазуху. Йорг держал трость наготове, будто меч. Метрдотель как-то стушевался. Молоденький красавчик такой, длинные ногти и дорогая квартира. Он изучал химию, а однажды занял второе место на оперном конкурсе. Йорг размахнулся тростью и заехал ему прямо под левое ухо. Метрдотель очень побелел и качнулся. Йорг стукнул его еще три раза в то же место, и парень рухнул.

Вышли они все вместе – Серж, Йорг, Лайла и Арлин. Все были пьяны, однако держались достойно – чувствовалось в них что-то особенное. Вышли на улицу и по этой улице зашагали.

Происходившее наблюдала молодая пара за столиком у дверей. Молодой человек смотрелся интеллигентно – все портила лишь крупноватая родинка у самого кончика носа. Его подруга в темно-синем платье была толста, но мила. Когда-то ей хотелось уйти в монахини.

– Великолепные люди, правда? – спросил молодой человек.

– Козлы, – ответила девушка.

Молодой человек махнул официанту, чтобы принесли третью бутылку вина. Предстояла еще одна трудная ночь.

Ори, горя

Генри налил и выглянул в окно: жаркая и голая голливудская улица. Господи боже, столько мучиться, а по-прежнему загнан в угол. Дальше только смерть – она всегда ждет. Какая дурацкая ошибка – он купил номер самиздатской газетки, а там до сих пор боготворят Ленин Брюса. Снимок его мертвого, сразу после передоза². Ладно, временами Ленин бывал забавен: «Не могу кончить!» – это шедевр, но обычно он лаял. Его преследовали, ну да – и физически, и духовно. Ну а что, все мы умираем, дело просто в математике. Что тут нового? Проблематично дожидаться. Зазвонил телефон. Подруга.

– Слушай меня, сукин сын, я устала от твоего пьянства. Мне и отца моего хватало...

– Ох черт, да все не так уж плохо.

– Достаточно, и с меня уже хватит.

– Я тебе говорю, ты преувеличиваешь.

– Нет, с меня довольно, слышишь меня, довольно. Я видела, как ты на вечеринке все время виски требовал, тогда-то

---

² Ленни Брюс (Леонард Альфред Шнайдер, 1925–1966) – американский комик, культовая фигура андерграунда середины XX в. 3 августа 1966 г. был найден мертвым на полу в ванной у себя дома. Негативы официальной фотографии – его обнаженный труп и наркотическая параферналия рядом – были впоследствии куплены у фотографов его другом продюсером Филом Спектором, чтобы ограничить распространение снимков в прессе.

я и ушла. Хватит с меня, я больше не намерена терпеть...

Она повесила трубку. Генри налил себе скотча с водой. Зашел со стаканом в спальню, снял рубашку, штаны, ботинки, носки. Лег в одних трусах со стаканом. Без четверти полдень. Ни честолюбия, ни таланта, ни просвета. От падения на дно его спасало лишь чистое везение, это никогда не надолго. Ну что, жалко, что так с Лу вышло, но ей-то нужен чемпион. Генри махнул стакан и вытянулся на кровати. Взял «Сопrotивление, бунт и смерть» Камю...³ прочел несколько страниц. Камю говорил о мучениях и ужасе, о человеческом убожестве – но говорил так уютно, так цветисто... язык у него... как будто ни на него самого это не действовало, ни на его стиль. Иными словами, у него самого все могло быть прекрасно. Камю писал так, будто плотно покушал только что: стейк, жареная картошечка, салатик, а заполировал ужин бутылочкой хорошего французского винца. Человечество, может, и страдает, а он – ничуть. Мудрый, вероятно, человек, но Генри предпочитал тех, кто орет, горя. Генри выронил книжку на пол и попробовал уснуть. Спать ему всегда было трудно. Если удавалось поспать часа три из 24 – хорошо. Что ж, подумал он, стены вокруг еще стоят, а дай человеку четыре стены – и у него есть шанс. Вот на улице уже ничего не сделаешь.

---

³ «Сопrotивление, бунт и смерть» (1960) – англоязычный сборник эссе французского писателя-экзистенциалиста Альбера Камю (1913–1960), выпущенный издательством «Рэндом-хаус».

Позвонили в дверь.

– Хэнк! – заорал кто-то. – Эй, Хэнк!

«Что за поебень? – подумал он. – Ну чего еще?»

– Ну? – спросил он, лежа в одних трусах.

– Эй! Ты чего там делаешь?

– Минуточку...

Генри встал, поднял штаны и рубашку, вышел в переднюю комнату.

– Ты чего делаешь?

– Одеваюсь...

– Одеваешься?

– Ну.

Десять минут первого. Генри открыл дверь. Преподаватель из Пасадины, учит английской литературе. И с ним – красотка. Препод красотку представил. Редакторша в крупном нью-йоркском издательстве.

– Ах ты, милашка, – сказал Генри, шагнул и цапнул ее за правое бедро. – Я тебя люблю.

– Быстрый вы, – сказала она.

– Ну, знаешь, писателям всегда приходится издателю жопу лизать.

– Я думала, наоборот.

– Нет. Голодает же писатель.

– Она хочет твой роман посмотреть.

– У меня только в переплете. Я не могу ей первое издание отдать.

– Пусть посмотрит. Может, купят, – сказал препод.

Говорили они о романе «Кошмар». Генри заподозрил, что ей просто хочется книжку бесплатно.

– Мы ехали в Дель-Мар, но Пэт вот захотелось тебя воочию увидеть.

– Как мило.

– Хэнк моим студентам свои стихи читал. Мы ему заплатили пятьдесят долларов. Он боялся и плакал. Пришлось вытолкнуть его на кафедру.

– Я был вне себя. Всего пятьдесят долларов. Одену, бывало, и две тысячи долларов платили. А он, по-моему, не настолько лучше меня. Вообще-то...

– Да, мы твое мнение знаем.

Генри собрал старые программы скачек из-под ног редакторши.

– Мне должны одну тысячу сто долларов. А требовать не могу. Секс-журналы обнаглели. Я с одной секретаршей там познакомился. Некто Клара. Звоню: «Алло, Клара? Ты сегодня хорошо позавтракала?» «О да, Хэнк, а ты?» «Еще бы, – отвечаю, – два яйца вкрутую». «Я, – говорит, – знаю, зачем ты звонишь». «Ну да, – говорю, – за тем же самым». «Ну вот передо мной лежит ордер девятьсот восемьдесят четыре тысячи семьсот шестьдесят пять на восемьдесят пять долларов». – «А кроме того, Клара, у вас есть еще один ордер – девятьсот семьдесят три тысячи восемьсот девяносто пять на пять рассказов, на пятьсот семьдесят долларов». – «Ах да,

мы его попробуем подписать у мистера Мастерза». «Спасибо, Клара», – я ей говорю. «Да ничего не надо, – отвечает. – Вы, ребята, свои деньги заработали». «Ну еще бы», – говорю я. А она потом говорит: «И если деньги не придут, вы же нам еще раз позвоните? Ха, ха, ха». «Да, Клара, – отвечаю я. – Я вам еще не раз позвоню».

Преподаватель и редакторша рассмеялись.

– Я так больше не могу, черт бы их всех побрал, кто-нибудь хочет выпить?

Они не ответили, поэтому Генри налил только себе.

– Я даже на лошадках зарабатывать пытался. Начал-то неплохо, а потом все стихло. Пришлось бросить. Мне по карману только выигрывать.

Преподаватель принялся объяснять свою систему, как выиграть в Вегасе в двадцать одно. Генри подошел к редакторше.

– Пошли в койку, – сказал он.

– Вы смешной, – ответила она.

– Ага, – сказал он. – Как Ленин Брюс. Он умер, а я при смерти.

– Все равно смешной.

– Ну да, я же герой. Миф. Я не прогнивший, я не продался. На Востоке мои письма идут с аукциона по двести пятьдесят долларов. А я даже мешка пиздюлей купить себе не могу.

– Да вы, писатели, всегда орете «волк».

– Вот, может, волк и пришел наконец. С одной души не проживешь. Душой за квартиру не расплатишься. Сама как-нибудь попробуй.

– Может, мне и следует лечь с вами в постель.

– Пойдемте, Пэт, – сказал, вставая, препод. – Нам надо успеть в Дель-Мар.

Они пошли к дверям.

– Хорошо, что повидались.

– Еще бы, – сказал Генри.

– У вас получится.

– Еще бы, – сказал он. – До свидания.

Потом вернулся в спальню, снял одежду и снова лег. Может, удастся уснуть. Сон – что-то вроде смерти. А потом он уснул. Увидел себя на скачках. Человек в окошечке давал деньги, а Генри складывал их в бумажник. Много денег.

– Вам бы кошелек новый, – сказал человек. – Этот у вас порвался.

– Нет, – ответил он. – Не хочу, чтоб все видели, как я богат.

Позвонили в дверь.

– Эй, Хэнк! Хэнк!

– Иду, иду... Минуточку.

Он опять оделся и открыл дверь. Гарри Стоббз. Тоже писатель. Слишком много знакомых писателей.

Стоббз вошел.

– Деньги есть, Стоббз?

– Откуда, блин?

– Ладно, пиво с меня. Я думал, ты богатый.

– Не-а. Я с этой девкой жил в Малибу. Она меня одевала хорошо, кормила. А потом пинка дала. Теперь я живу в душевой.

– В душевой?

– Ну. Там неплохо. Настоящие раздвижные двери, из стекла.

– Ладно, пошли. Ты на машине?

– Не-а.

– Мою возьмем.

Сели в «комету» 62-го года, поехали к перекрестку Голливуда и Норманди.

– Я статейку «Тайму» продал. Блин, думал, озолочусь. А сегодня чек получил. Еще не обналичил. Угадай – сколько? – спросил Стоббз.

– Восемьсот долларов?

– Не-а – сто шестьдесят пять долларов.

– Что? «Тайм»? Сто шестьдесят пять долларов?

– Ну да.

Они поставили машину и зашли за пивом в лавку.

– А моя меня кинула, – сообщил Генри Стоббзу. – Говорит, бухаю слишком. Врет и не краснеет. – Он открыл холодильник и вытянул две упаковки. – А я завязываю постепенно. Вчера вечером – фиговая балеха. Одни голодающие писатели да препода, которых скоро попрут с работы. Говорят

только о писанине. Очень утомляет.

– Писатели – бляди, – сказал Стоббз. – Писатели – бляди вселенной.

– Блядям вселенной, друг мой, жить удастся гораздо лучше.

Они подошли к кассе.

– «На крыльях песни», – сказал лавочник.

– На них, – ответил Генри.

Год назад лавочник прочел в «Л. А. Таймс» статью о поэзии Генри и не забыл. «Крылья песни» – это у них теперь такой ритуал. Генри сначала терпеть его не мог, а теперь было даже как-то забавно. На крыльях песни, ептыть.

Сели в машину и поехали обратно. Пока их не было, заходил почтальон. Что-то лежало в ящике.

– Может, чек, – сказал Генри.

Он занес письмо в квартиру, раскупорил два пива и распечатал конверт. Внутри говорилось:

*Уважаемый мистер Чинаски,
я только что дочитала ваш роман «Кошмар»
и сборник стихов «Фотографии из ада», и мне
кажется, что вы – великий писатель. Я замужняя
женщина, мне 52 года, и дети у меня уже выросли.
Очень хотелось бы получить от вас ответ.*

*С почтением,
Дорис Эндерсон.*

Отправили письмо из городишки в штате Мэн.

– Даже не думал, что в Мэне еще живут, – сказал Генри Стоббзу.

– По-моему, не живут, – ответил Стоббз.

– Живут. Вот эта – живет.

Генри кинул письмо в мусорный мешок. Пиво оказалось хорошим. В многоэтажную многоквартирку через дорогу возвращались с работы медсестры. Там жило много медсестер. На большинстве – просвечивающие халатики, а солнце довершало картину. Генри и Стоббз стояли и смотрели, как медсестры выходят из машин и идут в стеклянные двери, после чего пропадают в своих душевых, перед телевизорами и за закрытыми дверями.

– Ты на эту погляди-ка, – сказал Стоббз.

– Ага.

– А вон еще одна.

– Ниче себе!

Как два 15-летних дурня, подумал Генри. Мы не заслуживаем жить. Камю вот наверняка ни в какие окна не подглядывал.

– И как ты теперь, Стоббз?

– Ну, пока есть душевая, справляюсь.

– А чего на работу не устроишься?

– На работу? Ты совсем, что ли?

– Наверно, ты прав.

– Ты вон на ту глянь! Смотри, какая жопка на ней!

– И впрямь.

Они сели и принялись за пиво всерьез.

– Мэйсон, – сообщил Генри Стоббзу про молодого и непечатаемого поэта, – переехал жить в Мексику. С луком и стрелами охотится на дичь, рыбу ловит. У него там жена и служанка. И четыре книжки на выходе. Даже вестерн написал. Проблема в том, что, когда за границей, гонорары получать почти невозможно. Стребовать с них свое получается лишь одним способом – пригрозить смертью. У меня такие письма хорошо пишутся. Но если живешь в тысяче миль, они прекрасно знают – ты передумаешь, пока доберешься до их дверей. А вот мясо себе добывать – это мне нравится. Гораздо лучше, чем ходить в супермаркет. Можно притвориться, что все это зверье – издатели и редакторы. Здорово.

Стоббз просидел часов до пяти. Они гундели про писательство, про то, какое говно те, кто выбился. Вроде Мейлера, вроде Капоте. Потом Стоббз ушел, и Генри снял рубашку, штаны, ботинки и носки и снова залег в постель. Зазвонил телефон. Аппарат стоял на полу у кровати. Генри протянул руку и снял трубку. Лу.

– Что делаешь? Пишешь?

– Я редко пишу.

– Ты пьешь?

– Завязываю.

– По-моему, тебе сиделка нужна.

– Давай вечером на скачки?

– Ладно. Когда заедешь?

– Шесть тридцать – нормально?

– Шесть тридцать – нормально.

– Тогда пока.

Он растянулся на кровати. Да, хорошо вернуться к Лу. Она ему пользу приносит. И она права – он слишком бухает. Если б Лу столько бухала, она б ему была ни к чему. Почестному, старик, по-честному. Погляди, что стало с Хемингуэем – без стакана в руке и не садился. Погляди на Фолкнера, на них на всех погляди. Вот блядство.

Опять зазвонил телефон. Он взял.

– Чинаски?

– Ну?

Поэтесса – Джанесса Тил. Фигура хорошая, но в постели с нею Генри ни разу не бывал.

– Завтра вечером я бы хотела пригласить тебя на ужин.

– У нас с Лу постоянна, – ответил он. И подумал: господи, я храню верность. Господи, подумал он, я приличный человек. Боже.

– И ее с собой бери.

– Думаешь, разумно?

– Меня устраивает.

– Слушай, давай я тебе завтра перезвоню. Тогда и скажу.

Он повесил трубку и опять вытянулся. Тридцать лет, подумал он, я хотел быть писателем, и вот я писатель, а что это значит?

Телефон зазвонил снова. Даг Эшлешем, поэт.

– Хэнк, малыш...

– Ну чего, Даг?

– Я на подсосе, малыш, одолжи, малыш, пятерку. Дал бы мне пятерку, а?

– Даг, лошади меня разорили. Ни цента не осталось.

– Эх, – сказал Даг.

– Извини, малыш.

– Ну да чего уж там.

Даг повесил трубку. Даг ему и так уже должен пятнадцать. Но пятерка у Генри была. Надо было дать ее Дагу. Даг, наверно, собачий корм жрет. Я не очень приличный человек, подумал он. Господи, да я совсем человек неприличный.

И Генри вытянулся на кровати – во весь рост, во всем своем убожестве.

Парочка приживал

Быть приживалом – очень странное занятие, особенно если непрофессионал. В доме было два этажа. Комсток жил с Линн на верхнем. Я с Дорин – на нижнем. Дом располагался красиво, у самых Голливудских холмов. Обе дамы чем-то руководили, и платили им за это выше крыши. Дом был просто набит хорошим вином, хорошей жрачкой – и одной нервно-жопой собачкой. Кроме того, имелась крупная черная домработница Рета: она по большей части не выходила из кухни, где все время открывала и закрывала дверцу холодильника.

Каждый месяц в назначенное время в дом приносили все правильные журналы, только мы с Комстоком их не читали. Мы просто валандались, боролись с бодунами, ждали вечера, когда наши дамы будут нас поить и ужинать на свои представительские.

Комсток говорил, что Линн – весьма преуспевающий продюсер на какой-то крупной киностудии. Сам он ходил в берете, с шелковым шарфиком, в бирюзовых бусах, носил бороду, а походка у него была элегантная. Я писатель, застрял на втором романе. Свое жилье у меня было – в разбомбленной многоквартирке в Восточном Голливуде, но я там редко бывал.

Транспортное средство у меня – «комета» 62-го года. Молодую дамочку из дома напротив эта колымага очень оскорб-

ляла. Приходилось оставлять машину прямо перед ее домом, потому что там был один из немногих ровных участков в округе, а на склоне машина не заводилась. Она и на плоскости-то заводилась еле-еле – я подолгу сидел, давил на педаль, жал на стартер, из-под днища валил дым, а рев стоял докучливый и нескончаемый. Дамочка принималась орать, словно с ума сходит. Со мной такое редко бывало, но тут мне становилось стыдно за то, что беден. Я сидел, жал и молился, чтоб «комета» завелась, стараясь не обращать внимания на вопли ярости из богатого дома. Жал и жал, машина заводилась, немного ехала и снова глохла.

– *Убирайте свою вонючую развалюху от моего дома, или я вызову полицию!* – И долгие безумные вопли.

Наконец выскакивала сама – в кимоно, молоденькая блондинка такая, красивая, но, очевидно, совершенно чокнутая. С воплями подбегала к моей дверце, из кимоно вываливалась одна грудь. Блондинка ее заправляла на место, и тут вываливалась другая. Потом из разреза выскальзывала нога.

– Дама, я вас прошу, – говорил я. – Видите, я стараюсь.

Наконец мне удавалось отъехать, а она стояла посреди улицы, вся грудь нараспашку, и орала:

– *И не оставляйте ее перед моим домом больше никогда, никогда, никогда!*

В такие мгновенья я всерьез задумывался, не поискать ли мне работу.

Но я был нужен моей женщине – Дорин. У нее был

конфликт с мальчишкой-упаковщиком в супермаркете. Мне следовало ездить с нею, стоять рядом и держать ее за руку. Один на один с этим упаковщиком она встречаться не могла, и дело вечно заканчивалось тем, что она швыряла ему в лицо горсть винограда, или ябедничала на него управляющему, или писала жалобу на шести страницах владельцу супермаркета. Я с мальчишкой вместо нее как-то справлялся. Мне он даже нравился – особенно за то, что одним изящным взмахом умел раскрыть большой бумажный пакет.

Первая неформальная встреча с Комстоком прошла интересно. Раньше мы только болтали по вечерам, выпивая вместе с нашими дамами. А как-то утром я ходил по первому этажу в одних трусах. Дорин уехала на работу. Я раздумывал, не одеться ли мне и не съездить ли к себе за почтой. Домработница Рета привыкла ко мне в одних трусах.

– Ох, мужик, – говорила она, – у тебя такие белые ноги. Цыплячьи просто. Ты что, на солнце не бываешь?

В доме была одна кухня – внизу. Наверное, Комсток проголодался. Мы с ним вошли туда одновременно. Он был в затрапезной майке с винным пятном на груди. Я поставил кофе, а Рета предложила сделать нам яичницу с беконом. Комсток сел.

– Ну, – спросил я, – сколько еще, по-твоему, можно будет водить их за нос?

– Долго. Мне нужно отдохнуть.

– Какие же вы сволочи, – сказала Рета.

– Яичницу не сожги, – сказал Комсток.

Рета подала нам апельсиновый сок, тосты и яичницу с беконом. Села и поела с нами, не отрываясь от номера «Плейгерл».

– У меня только что брак по-крупному не сложился, – сказал Комсток. – И мне нужно хорошенько и долго отдохнуть.

– Есть клубничный джем для тостов, – сказала Рета. – Попробуйте клубничного джема.

– А у *тебя* как с семейной жизнью? – спросил я Рету.

– Ну, он мерзавец никудышный, лентяй, только б на бильярде ему...

Рета нам все про него рассказала, дозавтракала, пошла наверх и принялась там пылесосить. Потом Комсток рассказал мне о своем браке.

– До свадьбы все было прекрасно. Она мне только хорошие карты сдавала, но полколоды никогда не показывала. Я бы даже сказал – больше, чем полколоды. – Комсток глотнул кофе. – А через три дня после церемонии я прихожу домой – а она мини-юбок себе накупила. Таких, что короче и не бывает. Я прихожу, а она сидит и укорачивает их. «Ты чего это делаешь?» – спрашиваю, а она: «Эта хуйня слишком длинная. Мне их нравится носить без трусов, чтоб мужикам пиздой светить, когда, например, слезаю с табурета в баре».

– И вот так вот тебе эту карту и выложила?

– Ну, я мог бы и раньше догадаться. За пару дней до свадьбы я повел ее с родителями знакомиться. Она такое кон-

сервативное платье надела, предки ей сказали, что оно им нравится. А она им: «Платье, значит, нравится, а?» – и задрала его, трусики показала.

– Ты, наверное, решил, что это очаровательно.

– В каком-то смысле. В общем, она стала ходить без трусов и в мини-юбках. Такие короткие, что она чуть голову наклонит – и вся срака уже оголяется.

– И мужикам нравилось?

– Видимо. Мы куда-нибудь заходим – и все смотрят сперва на нее, потом на меня. Сидят и думают, как парень с таким мирится.

– Ну, мы все с придурью. Херня. Срака да пизда – подумаешь. Что с них еще взять?

– Так думаешь, пока с тобой не случится. Выходим из бара на улицу, а она говорит: «Эй, видал лысого в углу? Вот он на мою пизду пялился, когда я вставала! Домой придет и точно будет дрочить».

– Тебе налить еще кофе?

– Ага – и скотча. Меня Роджер зовут.

– Ладно, Роджер.

– Однажды вечером с работы прихожу, а ее нет. Побила в квартире все окна и зеркала. И понаписала всякого: «Роджер не серет!», «Роджер лижет сраки!», «Роджер пьет ссаки!» – по стенам. А самой нет. Записку оставила. Что села на автобус и поехала домой, к мамаше в Техас. Беспokoится, мол. Потому что мамашу в дурку укатывали десять раз. И без нее

матери плохо. Вот такую вот записку.

– Еще кофе, Роджер?

– Только скотча. Я на станцию «Грейхаунда», а она там в мини-юбке пиздой светит, кругом восемнадцать парней со стояками ходят. Подсаживаюсь к ней, а она давай рыдать. «Один черный, – говорит, – сказал, что я могу тысячу долларов в неделю зарабатывать, если буду делать, что он мне скажет. А я ж не блядь, Роджер!»

Спустилась Рета, залезла в холодильник за шоколадным тортиком и мороженым, ушла в спальню, включила телевизор, легла на кровать и стала есть. Тетка она очень массивная, но приятная.

– В общем, – продолжал Роджер, – я сказал, что я ее люблю, и нам удалось сдать билет. Отвез ее домой. А на завтра вечером к нам один мой дружок зашел, так она к нему сзади подкралась и шарах по башке деревянной ложкой для салата. Без предупреждения, без ничего. Подкралась и – бац. Он ушел, а она мне говорит: со мной, дескать, все нормально будет, если по средам вечером ты меня будешь отпускать на занятия по керамике. Ладно, говорю. Но не вышло. Она полюбила бросаться на меня с ножами. Кровища повсюду. Моя кровища. И на стенах, и на ковре. Она же проворная такая. И балетом занимается, и йогой, и травами, и витаминами, семечки ест, орехи, такую вот срань, в сумочке Библию носит, половина страниц красными чернилами исчеркана. Мини-юбки свои еще на полдюйма подрезала. Как-то

ночью сплю, но вовремя проснулся – она как раз летит на меня через спинку кровати, а в руке тесак для мяса. Я еле успел откатиться – нож дюймов на пять-шесть в матрас вошел. Я встал и просто по стенке ее размазал. Она лежит и орет: «*Трус! Мерзкий трус, ты ударил женщину! Ссыкло, ссыкло, ссыкло!*»

– Ну, бить ее, наверное, не стоило, – сказал я.

– В общем, из квартиры я съехал, затеял развод, но этим дело не кончилось. Она стала за мной следить. Как-то стою в очереди в кассу в супермаркете. Она подходит и давай на меня орать: «*Гнойный хуесос! Пидарас!*» А то как-то раз в прачечной меня поймала. Я вещи из машинки выгружаю и в сушилку сую. А она стоит и на меня смотрит. Ничего не говорит. Я одежду сушиться оставил, сел в машину и уехал. Возвращаюсь – ее нет. Смотрю в сушилку – пустая. Все рубашки мои забрала, трусы, штаны, полотенца мои, простыни – все. Тут мне по почте письма начинают приходить, красными чернилами. Про то, что ей снится. Ей все время что-нибудь снилось. Она фотографии из журналов вырезала и все их исписывала. Почерк совершенно не разобрать. Я, бывало, сижу вечером дома, а она подкрадется и щебнем в окно кидается. И орет во всю глотку: «*Роджер Комсток – голубой!*» На всю округу.

– Очень живенько ты рассказываешь.

– А потом я познакомился с Линн и переехал сюда. Рано утром переезжал. Она не знает, где я. Работу бросил. Вот

и сижу. Я, наверно, схожу погулять с собачкой – Линн это нравится. Вернется с работы, а я ей: «Линн, а я твою собачку выгуливал». Она тогда улыбается. Нравится ей это.

– Валяй, – сказал я.

– Эй, Хрюндель! – заверещал Роджер. – Пошли, Хрюндель!

Тряся брюхом, прислунявила эта дебильная тварь. Они ушли.

Продлилась такая радость всего три месяца. Дорин познакомилась с мужиком, который говорил на трех языках и был египтологом. Я вернулся к себе на разбомбленный дворик в Восточном Голливуде.

Однажды, где-то через год, выходил от зубного в Глендейле, гляжу – Дорин садится в машину. Я подошел, мы сели в кафе, выпили кофе.

– Как роман? – спросила она.

– Пока ни с места, – ответил я. – По-моему, я эту падлу никогда не допишу.

– Ты теперь один? – спросила она.

– Нет.

– Я тоже не одна.

– Хорошо.

– Ничего хорошего, но сойдет.

– А Роджер еще живет с Линн?

– Она его хотела бросить, – сказала Дорин. – А потом он напился и упал с балкона. Его парализовало ниже пояса. Страховая компания выплатила ему пятьдесят тысяч долларов. Потом он пошел на поправку. Костыли сменил на трость. Опять Хрюнделя может выгуливать. Недавно вот изумительные снимки сделал на Ольвера-стрит⁴. Слушай, мне пора бежать. На следующей неделе лечу в Лондон. Рабочий отпуск. За все уплачено! До свиданья.

– До свиданья.

Дорин вскочила, улыбнулась, вышла, свернула на запад и скрылась. Я поднес ко рту чашку, отхлебнул, поставил на место. Передо мной лежал чек. 1 доллар 85 центов. У меня с собой было 2 доллара – хватит как раз, плюс чаевые. А как я, на хер, буду платить зубному – уже другой вопрос.

---

⁴ Ольвера-стрит – улица в исторической части Лос-Анджелеса, туристический аттракцион на тему «старой Мексики».

Великий поэт

Я пошел его повидать. Он был великий поэт. Лучший повествовательный поэт после Джефферза⁵, а еще и семидесяти нет, во всем мире знаменит. Наверно, лучше всего знают две его книжки – «Мое горе лучше твоего, ха!» и «Мертвые томно жуют резинку». Он преподавал во многих университетах, получил все премии, включая Нобелевку. Бернард Стахман.

Я поднялся по лестнице общаги для молодых христиан. Мистер Стахман жил в номере 223. Я постучал.

– ЗАВАЛИВАЙ! – заорал кто-то изнутри.

Я открыл дверь и вошел. Бернард Стахман лежал в постели. Воняло блевотиной, вином, мочой, говном и разлагающейся пищей. Меня затошнило. Я забежал в ванную, проплевался и вышел.

– Мистер Стахман, – сказал я. – Вы б открыли окно?

– Хорошая мысль. И не надо вот этого «мистер Стахман».

Меня зовут Барни.

Он был инвалид – ему удалось встать с усилием и переползти в кресло у кровати.

– Вот теперь хорошенько поговорим, – сказал он. – Я этого

---

⁵ Робинсон Джефферз (1887–1962) – американский поэт и общественный деятель-энвайронменталист. Его повествовательный стиль оказал влияние на поэзию самого Буковски.

ждал.

Рядом на столе у него стоял галлон макаронного красного пойла – в нем плавалидохлые мотыльки и сигаретный пепел. Я отвернулся, затем посмотрел опять. Бернард Стахман поднес кувшин ко рту, но вино по большей части вылилось ему на рубашку и штаны. Он поставил кувшин на место.

– То, что надо.

– Лучше б из стакана, – сказал я. – Проще.

– Да, пожалуй, ты прав. – Он огляделся. Рядом стояло несколько грязных стаканов – интересно, какой он выберет? Выбрал ближайший. На доньшке засохло что-то желтое. Похоже на остатки лапши с курицей. Он налил вина. Поднял стакан и выпил. – Да, так гораздо лучше. Я вижу, ты камеру принес. Будешь меня фотографировать?

– Да, – ответил я. Затем пошел и открыл окно, вдохнул свежего воздуха. Дождь шел много дней, и воздух был чист и свеж.

– Слушай, – сказал он. – Я тут уже давно поссать собираюсь. Принеси мне пустую бутылку.

Пустых бутылок вокруг было много. Одну я ему подал. Ширинка была не на молнии – только пуговицы, а застегнута лишь на нижнюю, так его раздуло. Он рукой вытащил пенис и пристроил головку к горлу бутылки. Едва начал мочиться, пенис напрягся и стал мотаться из стороны в сторону, моча брызнула – и на рубашку, и на штаны, и в лицо, и, что совсем уж невероятно, последний выплеск ударил ему в левое ухо.

– Хуево быть калекой, – сказал он.

– Как это произошло? – спросил я.

– Что произошло?

– Как вы стали калекой?

– Жена. Переехала меня на машине.

– Как? Зачем?

– Сказала, терпеть меня больше нет сил.

Я ничего не ответил. Щелкнул камерой пару раз.

– У меня снимки есть. Хочешь на мою жену посмотреть?

– Ладно.

– Альбом вон там, на холодильнике.

Я сходил взял, сел. Кто-то фотографировал только туфли на высоком каблуке да тонкие женские лодыжки, ноги в нейлоне с подвязками, разнообразные ноги в колготках. На некоторых страницах наклеены рекламки с мясного рынка: ростбиф из лопатки, 89 центов за фунт.

Я закрыл альбом.

– Когда мы развелись, – сказал Бернارد, – она отдала мне вот это.

Он сунул руку под подушку на кровати и вытащил пару каблукастых туфель на длинных шпильках. Покрыты бронзой. Он поставил их на тумбочку. Потом налил себе еще.

– Я с этими туфлями сплю, – сказал он. – Занимаюсь с ними любовью, а потом мою.

Я еще пощелкал.

– Вот, хочешь снимок? Хороший ракурс. – Он расстегнул

одинокую пуговицу на штанах. Исподнего на нем не было. Взял туфлю и ввинтил каблук себе в зад. – Давай снимай. – Я снял.

Стоять ему было трудно, однако, держась за тумбочку, он встал.

- Вы еще пишете, Барни?
- Блядь, я все время пишу.
- Поклонники работать не мешают?
- Иногда бабы меня, блядь, находят, только надолго тут не задерживаются.
- А книги хорошо продаются?
- Чеки шлют.
- Что посоветуете молодым писателям?
- Пить, ебаться и курить побольше сигарет.
- Что посоветуете писателям постарше?
- Если они еще живы, мой совет им не нужен.
- А из какого импульса вы создаете свои стихи?
- А срьшь ты из какого импульса?
- Что вы думаете о Рейгане и безработице?
- Я не думаю о Рейгане или безработице. Мне скучно. Это как полеты в космос или Суперкубок.
- Что же вас тогда тревожит?
- Современные женщины.
- Современные женщины?
- Одеваться не умеют. Не туфли, а ужас.
- А что вы думаете о «Женском освобождении?»

– Как только им придет охота поработать на автомойке, встать за плуг, погоняться за двумя парнями, которые только что ограбили винную лавку, или почистить канализацию, как только им захочется, чтоб им в армии сиськи отстрелили, – я буду готов сидеть дома, мыть посуду и скучать, собирая с ковра хлопья пыли.

– Но нет ли в их требованиях какой-то логики?

– Есть, конечно.

Стахман налил себе еще. Даже когда он пил из стакана, вино текло по подбородку и на рубашку. Пахло от него так, будто он не мылся уже много месяцев.

– Моя жена, – сказал он. – Я ее до сих пор люблю. Дай-ка мне телефон?

Я дал. Он набрал номер.

– Клэр? Алло, Клэр?

Он положил трубку.

– Что там? – спросил я.

– Да как всегда. Бросила. Слушай, пошли-ка отсюда, в бар ходим. Я и так слишком долго в этой дыре просидел. Мне нужно выйти.

– Только там дождь. Уже неделю идет. Все улицы залило.

– Плевать. Я наружу хочу. Она сейчас наверняка с кем-нибудь ебется. Причем даже каблуков не сняла. Я ее всегда просил не снимать.

Я помог Бернарду Стахману надеть старое бурое пальто. У него не осталось ни пуговицы. Оно все заскорузло от грязи.

Таких в Л. А. не носят – тяжелое, неуклюжее, должно быть, его носили в Чикаго или Денвере еще в тридцатых.

Потом мы взяли его костыли и мучительно спустились по лестнице христианской общаги. В кармане пальто у Бернарда лежала пинта мускателя. Мы добрались до выхода, и Бернад меня заверил, что перейти тротуар и сесть в машину сможет сам. Между нею и бордюром оставался зазор.

Я обежал машину, чтоб сесть за руль, и тут услышал крик – и всплеск. Лило так, что мало не покажется. Я снова обогнул машину: Бернад умудрился упасть и застрять в канаве между машиной и тротуаром. Его заливало водой, он сидел, а по нему текло – окатывало ноги, плескалось о бока, и костыли беспомощно телепались в потоке.

– Нормально, – сказал он, – ты поезжай, а меня тут брось.

– Ох, блин, Барни.

– Я серьезно. Поезжай. Брось меня. Моя жена меня не любит.

– Она вам не жена, Барни. Вы в разводе.

– Бабушке своей рассказывай.

– Ладно, Барни, я вам сейчас помогу встать.

– Нет-нет. Все нормально. Уверяю тебя. Езжай. Напейся один.

Я поднял его, открыл дверцу и усадил на переднее сиденье. Он весь был очень, очень мокрый. На пол стекали ручки. Затем я опять обогнул машину и сел сам. Барни отвинтил колпачок с мускателя, дернул, передал бутылку мне. Я

тоже дернул. Потом завел машину и поехал, через ветровое стекло вглядываясь в струи дождя: искал бар, куда мы с ним могли бы зайти и не сблевнуть при виде вонючего писсуара.

Ты Лилли целовал

Вечером в среду. По телику ничего хорошего. Теодору 56. Его жене Маргарет 50. 20 лет женаты, детей не завели. Тед выключил свет. Оба в темноте растянулись на кровати.

– Ну что, – сказала Марджи, – ты меня что, на сон грядущий не поцелуешь?

Тед вздохнул и повернулся к ней. Слегка поцеловал.

– Ты это называешь поцелуем?

Тед не ответил.

– Эта женщина в программе очень похожа на Лилли, правда?

– Не знаю.

– Знаешь.

– Слушай, только не начинай ничего – и ничего не будет.

– Ты просто не хочешь ничего *обсудить*. Замкнулся в себе, и все. Будь же честен. Та женщина в программе похожа на Лилли, правда?

– Ладно. Кое-какое сходство *было*.

– И ты поэтому сразу подумал о Лилли?

– Ох господи...

– Не юли! Подумал?

– В какой-то миг – да...

– И тебе стало хорошо?

– Нет, послушай, Мардж, это же пять лет назад было!

– Разве время что-нибудь меняет?

– Я же тогда извинился.

– *Извинился!* А знаешь, каково *мне* было? А если б я так с каким-нибудь мужчиной? Как бы тогда было *тебе*?

– Не знаю. Сделай – и пойму.

– Вот, теперь ты еще и *хамшишь!* Ну ничего себе!

– Мардж, мы это уже обсуждали четыреста или пятьсот раз.

– Когда ты занимался с Лилли любовью, ты целовал ее, как сейчас *меня*?

– Нет, наверное...

– А как тогда? Как?

– Боже, да прекрати же!

– *Как?*

– Ну... иначе.

– Как иначе?

– Ну, там была какая-то новизна. Я возбуждился...

Мардж подскочила на кровати и заверещала. Потом умолкла.

– А когда ты меня целуешь, не возбуждаешься, так?

– Мы друг к другу привыкли.

– Но вот это и есть *любовь*: жить и расти вместе.

– Ладно.

– «Ладно»? Что значит «ладно»?

– В смысле – ты права.

– Ты от меня отмахиваешься. Тебе просто не хочется раз-

говаривать. Вот ты живешь со мной уже столько лет. А почему?

– Сам не знаю. Люди привыкают – как к работе. Люди просто привыкают. Случается.

– То есть жить со мной – для тебя работа? Сейчас для тебя – это работа?

– На работу по часам ходишь.

– Ты опять! Мы серьезно говорим!

– Хорошо.

– «Хорошо»? Мерзкий осел! Ты сейчас уснешь!

– Марджи, ты чего от меня хочешь? Уже много лет прошло!

– Хорошо, я скажу тебе, чего я хочу! Я хочу, чтобы ты поцеловал *меня* так же, как Лилли! Чтобы ты *выеб* меня, как Лилли!

– Я так не могу...

– Почему это? Я тебя не возбуждаю, как Лилли? Потому что я не *новая*?

– Да Лилли я вообще уже не помню.

– *Что-то* да помнишь. Ладно, можешь не *ебать*! Но *поцелуй* меня так же, как Лилли целовал.

– Да господи боже мой, Марджи, *прошу* тебя, отвянь!

– Я хочу знать, *почему* все эти годы мы живем вместе! Я что, всю жизнь псу под хвост пустила?

– Все так делают – почти все.

– Пускают жизнь псу под хвост?

– По-моему, да.

– Если б ты только *знал*, как я тебя ненавижу!

– Хочешь развода?

– Хочу ли я развода? Боже мой, как ты *спокоен*! Ты мне всю жизнь к чертовой матери поломал, а сам спрашиваешь, хочу ли я развода! Мне пятьдесят лет! Я тебе всю жизнь отдала! Куда мне теперь?

– Хоть к черту на рога! Я устал тебя слушать. Устал от твоего гундежа.

– А если б я это с чужим мужчиной сделала?

– Ну и сделала бы. Жалко, что не сделала!

Теодор закрыл глаза. Маргарет всхлипнула. На улице гавкнула собака. Кто-то заводил машину. Машина не заводилась. В городишке Иллинойса было 65 градусов⁶. Президент Соединенных Штатов – Джеймс Картер⁷.

Теодор захрапел. Маргарет подошла к комоду, залезла в нижний ящик и достала пистолет. Револьвер 22-го калибра. Заряженный. И вернулась в постель к мужу.

Потрясла его:

– Тед, дорогой, ты *храпишь*...

Потрясла еще раз.

– Что такое?.. – спросил Тед.

Она сняла револьвер с предохранителя, приставила дуло

---

⁶ Около 18 °С.

⁷ Джеймс Эрл (Джимми) Картер (р. 1924) был 39-м президентом США в 1977–1981 гг.

к его груди поближе к себе и нажала на спуск. Кровать дернулась, и Маргарет убрала револьвер от груди. Из рта Теодора вырвался звук, будто он пукнул. Видать, ему не больно. В окно светила луна. Маргарет посмотрела: дырочка маленькая, крови не очень много. Она приставила револьвер к другой стороне груди. Опять нажала на крючок. Теперь муж не издал ни звука. Но еще дышал. Маргарет наблюдала за ним. Потекла кровь. Воняла ужасно.

Когда он умирал, она его почти любила. Но Лилли – стоило подумать о Лилли... об их с Тедом губах, обо всем остальном – и ей хотелось застрелить его снова... Тед всегда хорошо смотрелся в свитере под горло, и зеленое ему шло, а когда пердел в постели, всегда сначала отворачивался – на нее никогда не пердел. Работу редко пропускал. Завтра вот пропустит...

Маргарет немножко повсхлипывала, а потом уснула.

Проснувшись, Теодор почувствовал, будто в груди у него с обеих сторон – по длинной острой камышине. Не больно. Он приложил руки к груди, потом отнял и выставил на лунный свет. Обе в крови. Он не понял. Посмотрел на Маргарет. Она спала, в руке – револьвер, из которого он сам учил ее стрелять для самозащиты.

Он сел, и кровь из двух отверстий в груди полилась быстрее. Маргарет его застрелила во сне. За то, что ебал Лилли. С Лилли он даже до оргазма не дошел.

Он подумал: я почти что умер, но если удастся от нее сбежать, может, и выкарабкаюсь.

Теодор аккуратно дотянулся и расцепил пальцы Маргарет на рукоятке. Предохранитель был по-прежнему снят.

Я не хочу тебя убивать, подумал он, я просто хочу сбежать. По-моему, я этого хочу по меньшей мере лет пятнадцать.

Ему удалось встать с кровати. Он взял револьвер поудобнее и наставил на бедро Маргарет – на правую ногу. И выстрелил.

Марджи завопила, и он зажал ей рот рукой. Подождал несколько минут, убрал руку.

– Что ты *делаешь*, Теодор?

Он направил револьвер на бедро Маргарет – на сей раз левое. Выстрелил. Опять заткнул ей вопль рукой. Несколько минут подержал, опять убрал руку.

– Ты Лилли целовал, – сказала Маргарет.

В барабане осталось два патрона. Тед выпрямился иглянул на две дырки у себя в груди. Из правой кровь течь перестала. А из левой ровными толчками била игольная струйка красного.

– Я тебя *убью!* – произнесла с кровати Маргарет.

– Тебе *очень* хочется, правда?

– Да, *да!* И *убью!*

У Теда закружилась голова, начало подташнивать. Где же полиция? Они же наверняка слышали выстрелы? Ну *где* же

они? Неужели пальбы никто не слышал?

Тед заметил окно. Выстрелил в окно. Он слабел. Упал на колени. На коленях пополз к другому окну. Выстрелил опять. Пуля пробила в стекле круглую дырочку, но стекло не раскололось. Перед ним прошла черная тень. Затем исчезла.

Он подумал: надо убрать отсюда этот револьвер!

Теодор собрал последние силы. Размахнулся и швырнул револьвер в окно. Стекло разбилось, но револьвер упал в комнату...

Сознание к нему вернулось – над ним стояла жена. Взаправду стояла – на двух ногах, которые он ей прострелил. Она перезаряжала револьвер.

– Я тебя сейчас убью, – сказала она.

– Марджи, бога ради, послушай! Я *люблю* тебя!

– *Ползи*, лживый пес!

– Марджи, прошу тебя...

Теодор пополз в другую спальню.

Маргарет шла за ним.

– Так тебя, значит, *возбуждало*, когда ты целовал Лилли?

– Нет, нет! Мне не понравилось! С отвращением!

– Я тебе эти губешки-то поцелуйные отстрелю!

– Марджи, боже мой!

Она приставила дуло к его губам.

– *Вот* тебе поцелуйчик!

Она выстрелила. Пуля снесла ему часть нижней губы и

нижней челюсти. Сознания он не потерял. Увидел на полу один свой ботинок. Снова собрал все силы и кинул им в другое окно. Стекло рассыпалось, ботинок улетел на улицу.

Маргарет направила револьвер себе в грудь. Нажала на спуск...

Когда полиция выбила дверь, Маргарет стояла посреди комнаты с револьвером в руке.

– Ладно, мадам, бросайте оружие! – сказал один легавый.

Теодор по-прежнему старался уползти. Маргарет направила на него револьвер, выстрелила и промахнулась. Затем рухнула на пол в своей пурпурной ночнушке.

– Что тут у вас такое? – спросил полицейский, склонившись над Теодором.

Теодор повернул к нему голову. Вместо рта у него была красная клякса.

– Шкрррр, – ответил Теодор, – шкрррр...

– Терпеть не могу эти семейные скандалы, – сказал другой легавый. – Такая *мерзость*...

– М-да, – подтвердил первый.

– Я только сегодня утром со своей поцапался. Нипочем не угадаешь.

– Шкрррр, – сказал Теодор.

Лилли сидела дома – смотрела по телику старое кино с Марлоном Брандо. Она была одна. В Марлона она была

влюблена всегда.

Она тихонько пукнула. Подняла халат и принялась себя ласкать.

Пламенная дамочка

Монах зашел. Внутри казалось очень пыльно – и тусклее, чем в обычных заведениях. Он прошел к дальнему концу стойки и подсел к пышной блондинке, которая курила сигариллу и пила «Хэммз». Когда Монах сел, она перднула.

– Добрый вечер, – сказал он. – Меня зовут Монах.

– А меня Мать, – ответила она. Что немедленно ее составило.

Из-за стойки перед Монахом поднялся скелет – он там сидел на табуреточке. Шагнул к Монаху. Тот заказал скотч со льдом, и скелет своими костями стал смешивать. Скотч полился на стойку, но скелету все удалось, он сгреб деньги Монаха, сунул их в кассу и принес Монаху правильную сдачу.

– Что такое? – спросил Монаху дамочки. – Им тут профсоюзы не по карману?

– Ай блядь, – ответила она, – это Билли корки мочит. Ты что, блядь, прбволочек не видишь? Он за проволоочки дергает. Говорит, умора.

– Странное заведение, – сказал Монах. – Смертью тут смердит.

– Смерть не смердит, – сказала дамочка. – Смердит только живое, только умирающее смердит, то, что разлагается, смердит. А смерть – не смердит.

Между ними упал паук на невидимой ниточке и медленно

развернулся. В тусклом свете он был золотым. Затем опять взбежал вверх по своей паутинке и пропал.

– Никогда раньше пауков в баре не видал, – сказал Монах.

– Он тут мух развешивает для клиентов, – сказала дамочка.

– Господи, от остряков не продохнуть.

Дамочка перднула.

– Вот тебе чмок, – сказала она.

– Благодарю, – ответил Монах.

В другом углу какой-то чмырь сунул денег музыкальному автомату, скелет вышел из-за стойки, подступил к дамочке и поклонился. Дамочка встала и пошла с ним танцевать. Они кружились и кружились.

В баре больше никого не было – только дамочка, скелет, чмырь и Монах. Не слишком людно. Монах закурил «Пэлл-Мэлл» и занялся тем, что было в стакане.

Песня доиграла, скелет опять встал за стойку, а дамочка вернулась и подсела к Монаху.

– Вот помню, – сказала она, – сюда сплошь знаменитости ходили. Бинг Кросби, Эймос и Энди, Три Придурка⁸. Просто

---

⁸ Гарри Лиллис (Бинг) Кросби (1903–1977) – популярный американский певец и киноактер. «Эймос и Энди» (Amos 'n' Andy, 1928–1953) – американский радио- и телевизионный комедийный сериал о парочке темнокожих хитрецов в поисках дополнительных источников заработка; создана белыми комедийными актерами Фрименом Госденом и Чарлзом Корреллом. «Три придурка» (Three Stooges) – американский комедийный коллектив первой половины XX в., в своем классическом составе включавший Мо Хаурда (Мозес Гарри Хорвиц, 1897–1975), Шемпа Хаурда (Сэмюэл Хорвиц, 1895–1955), Кудрявого Хаурда (Дже-

ДЫМ КОРОМЫСЛОМ.

– Так мне больше нравится, – сказал Монах.

Автомат снова заиграл.

– Потанцуем? – спросила дамочка.

– Чего б нет? – ответил Монах.

Они встали и пошли танцевать. Дамочка носила лавандовое, а пахла сиренью. Но она была толстовата, кожа – какая-то оранжевая, а вставные зубы будто все время тихонько пережевывали дохлую мышку.

– Тут прям как при Герберте Гувере⁹, – сказал Монах.

– Гувер был великий человек, – сказала она.

– Черта с два, – ответил Монах. – Если б не возник Фрэнки Д.¹⁰, мы бы все сдохли от голода.

– Фрэнки Д. нас в войну втравил, – сказала дамочка.

– Ну так и что, – сказал Монах. – Ему ж надо было оградить нас от фашистских орд.

– Вот только про фашистские орды не надо мне, – сказала дамочка. – У меня брат погиб в Испании в боях с Франко.

ром Лестер Хорвиц, 1903–1953) и Ларри Файна (Эндрю Луис Файнберг, 1902–1975).

⁹ Герберт Кларк Гувер (1874–1964) – 31-й президент США (1929–1933). При его администрации в 1929 г. началась Великая депрессия.

¹⁰ Фрэнклин Делано Рузвельт (1882–1945) – 32-й президент США (1933–1945), чтобы вывести страну из кризиса, ввел радикальный «Новый курс», но страна избавилась от последствий Великой депрессии только с началом Второй мировой войны.

– Бригада Авраама Линкольна?¹¹ – спросил Монах.

– Бригада Авраама Линкольна, – ответила дамочка.

Танцуя, они прижимались друг к другу, и тут дамочка вдруг сунула язык Монаху в рот. Он его вытолкнул своим. На вкус она отдавала старыми почтовыми марками и дохлой мышкой. Песня допелась. Они подошли к стойке и сели.

К ним придвинулся скелет. В одной костлявой руке у него была водка с апельсиновым. Скелет встал перед Монахом и выплеснул стакан ему в лицо, после чего отошел.

– Что с ним такое? – спросил Монах.

– Очень ревнивый, – объяснила дамочка. – Заметил, как я тебя поцеловала.

– Это поцелуй называется?

– Я целовала величайших людей всех времен и народов.

– Могу себе представить – Наполеон, Генрих Восьмой, Цезарь.

Дама перднула.

– Чмок тебе, – сказала она.

– Благодарю, – ответил Монах.

– Наверное, старею, – сказала дамочка. – Знаешь, все время говорят о предвзятости, но вот о предвзятости против старости даже не вспоминают.

– Н-да, – сказал Монах.

---

¹¹ Бригада Авраама Линкольна (1936–1939) – американские добровольческие части, сражавшиеся на стороне республиканцев в Гражданской войне в Испании против режима генералиссимуса Франсиско Франко (1892–1975).

– Хотя не такая уж я и *старая*, – сказала дамочка.

– Не такая, – сказал Монах.

– У меня еще месячные бывают, – сказала дамочка.

Монах махнул скелету, чтобы принес еще парочку. Дама тоже перешла на скотч со льдом. Они оба теперь пили скотч со льдом. Скелет вернулся к себе на табурет и сел.

– Знаешь, – сказала дамочка, – я видела, как Малыш залудил свои два страйка и показал на стену, а при следующей подаче запустил мяч прямо за нее¹².

– Я думал, это миф, – сказал Монах.

– Хрен тебе миф, – ответила дамочка. – Я там была. Сама все видела.

– А знаешь, – сказал Монах, – это чудесно. Мир ведь еще вертится только из-за исключительных людей. Они нам как бы чудеса творят, пока мы на попках своих посиживаем.

– Ну, – подтвердила дамочка.

Они сидели, отхлебывали помаленьку. Снаружи по бульвару Голливуд туда-сюда что-то ездило. Гудело неумолчно, как прилив, как волны, почти как океан, – да там и был океан: в нем водились акулы и барракуды, медузы и осьминоги, прилипалы и киты, мягкотелые и губки, мальки и тому подобное. А тут внутри – будто отдельный аквариум.

---

¹² Джордж Герман (Малыш) Рут (1895–1948) – американский бейсболист, питчер и хиттер. Речь идет об одном из легендарных моментов в истории американского бейсбола, когда на чемпионате США 1932 г. в игре против команды «Чикаго Кабз» Рут, выступавший за «Янки», показал направление своего будущего удара и выполнил его – на расстояние около 490 футов.

– И я была в зале, – сказала дамочка, – когда Демпси чуть не убил Уилларда. Джек только что с краснухи был, злой, что твой изголодавшийся тигр. Никогда такого не было – ни до, ни после¹³.

– Говоришь, у тебя еще месячные бывают?

– Точно, – ответила дамочка.

– А говорят, Демпси в перчатки себе цемент или гипс заливал. Говорят, в воде отмачивал, а потом застывали – потому-то он Уилларду так и надавал, – сказал Монах.

– Это, блядь, неправда, – сказала дамочка. – Я там была, я видела эти перчатки.

– По-моему, ты ненормальная, – сказал Монах.

– Про Жанну д'Арк тоже говорили, что ненормальная, – ответила дамочка.

– Ты небось и ее на костре видала, – сказал Монах.

– Ну да, – ответила дамочка. – Видала.

– Херня.

– Она горела. Я сама видела. Такой ужас – и так красиво.

– Что тут красивого?

– Как горела. Сначала ноги. Будто там у нее гнездо красных змей – они ей по ногам поползли наверх, а потом – как пылающий красный полог такой, а она лицо запрокинула, и

---

¹³ Речь идет о знаменитом поединке американских боксеров-тяжеловесов Джека Демпси (1895–1983) и Джесса Уилларда (1881–1968) 4 июля 1919 г. в Толлидо, штат Огайо, когда любимец публики Уиллард неожиданно проиграл чемпионский титул Демпси. Ходили слухи, что тренер Демпси обмотал руки боксера под перчатками гипсовыми бинтами.

горелым телом запахло, а она была еще жива, но не кричала. Губы шевелились, и молилась она, но так и не закричала.

– Херня, – повторил Монах. – Любой бы закричал.

– Нет, – ответила дамочка, – любой бы не закричал. Люди разные бывают.

– Тело есть тело, а боль есть боль, – сказал Монах.

– Ты недооцениваешь дух человеческий, – сказала дамочка.

– Ну да, – подтвердил Монах.

Дама открыла сумочку.

– Вот, я тебе кой-чего покажу. – Она вытащила книжку спичек, чиркнула и раскрыла левую ладонь. Под ладонью подержала спичку – та горела, пока не погасла. Разнесся сладковатый запах горелой плоти.

– Неплохо, – сказал Монах, – но это ж не все тело.

– Неважно, – сказала дамочка. – Принцип тот же.

– Нет, – ответил Монах. – Разница все же есть.

– Фигня, – сказала дамочка. Встала и поднесла зажженную спичку к подолу своего лавандового платья. Материя была тонкая, почти прозрачная, и языки пламени облизили ей ноги, поползли к талии.

– Господи ты боже, – сказал Монах. – Ты чего делаешь?

– Доказываю принцип, – ответила дамочка.

Огонь поднимался. Монах соскочил с табурета и повалил даму на пол. Он катал ее туда и сюда, бил по платью руками. Затем огонь погас. Дамочка взобралась на табурет и опять

уселась. Монах сел рядом, его трясло. Подошел бармен. В чистой белой рубашке, черном жилете, с бабочкой и в синих брюках в белую полоску.

– Извини, Мод, – сказал он дамочке, – но тебе пора. На сегодня хватит.

– Ладно, Билли, – ответила она, допила, встала и вышла. А перед уходом попрощалась с чмырем в углу бара.

– Боже, – произнес Монах. – Она просто что-то с чем-то.

– Опять в Жанну д'Арк играла? – спросил бармен.

– Ч-черт, да вы же сами видели, нет?

– Нет, я с Луи вон разговаривал. – Бармен показал на чмыря в углу.

– А я думал, вы где-то наверху, за проволочки дергаете.

– За какие проволочки?

– Проволочки скелета.

– Какого скелета? – спросил бармен.

– Да ладно вам, – сказал Монах, – хватит мне тут вешать.

– Вы о чем это?

– Нас скелет обслуживал. И даже с Мод танцевал.

– Я тут весь вечер работаю, мужик, – сказал бармен.

– Я сказал, *хватит мне вешать!*

– Ничего я вам не вешаю, – ответил бармен. Повернулся к чмырю в углу. – Эй, Луи, ты тут скелета видал?

– Скелета? – ответил Луи. – Четы мелешь?

– Скажи этому человеку, что я за стойкой весь вечер простоял, – сказал бармен.

– Билли весь вечер, мужик. И никаких скелетов мы не видели.

– Дайте мне тогда еще скотча со льдом, – сказал Монах. – И я пошел отсюда.

Бармен принес скотча со льдом. Монах выпил и пошел оттуда.

Мир отвратителен

Я ехал по Сансету как-то поздно вечером, остановился у светофора и на автобусной остановке увидел эту крашеную рыжую с грубым и загубленным лицом – напудренным, накрашенным, оно говорило: «Вот что с нами делает жизнь». Я представил ее пьяной – орет через всю комнату на какого-нибудь мужика – и порадовался, что этот мужик – не я. Она увидела, что я на нее смотрю, помахала:

– Эй, подбросишь?

– Ладно, – ответил я, и она перебежала две полосы, чтобы сесть ко мне.

Мы поехали, она чуть заголила ногу. Неплохо. Я рулил, ничего ей не говоря.

– Я хочу на Альварадо, – сказала она.

Я так и думал. Там они все и собираются. От перекрестка с Восьмой и дальше в барах за парком и за углами – до самых подножий холмов. Я в этих барах много лет просидел – знал, что почем. Девушкам по большинству просто хотелось выпить, где-то отдохнуть. В этих темных барах они и на вид вроде ничего. Подъехали к Альварадо.

– Можно пятьдесят центов? – попросила она. Я достал два квартера.

– За это, – сказал я, – тебя хотя бы помазать надо.

Она рассмеялась:

– Валяй.

Я задрал ей повыше платье и слегка пощипал там, где заканчивались чулки. Чуть не сказал: «Блин, давай возьмем квинту и завалимся ко мне». Видел уже, как пронзаю это щуплое тело, слышал скрип пружин. А потом она бы сидела в кресле, материлась, болтала и смеялась. Я пас. Она вышла на Альварадо, а я смотрел, как она переходит дорогу и пытается вилять задницей, словно в ней и впрямь что-то есть. Я поехал дальше. Я задолжал штату 606 долларов подоходного. Жопку время от времени приходится пропускать мимо.

Машину я поставил возле «Китайца», зашел и взял миску куриного вон-тона. Справа от меня сидел парень без левого уха. Просто дырка в голове – грязная дырка, а вокруг много волос. Никакого уха. Я заглянул ему в эту дырку, затем вернулся к вонтону. Дрянь какая-то, а не еда. Тут вошел еще один парень, сел от меня слева. Бродяга. Заказал чашку кофе. Посмотрел на меня.

– Здорбво, Алкаш, – сказал он.

– Здорово, – ответил я.

– Это *меня* все Алкашом зовут, вот я и решил тебя так назвать.

– Нормально. Им я раньше и был.

Он помешал в чашке.

– Вот эти пузырьки на кофе. Вот эти. Мамаша говорила, это значит, что ко мне деньги придут. А ничего не пришло.

Мамаша? У этого типа когда-то была мамаша?

Я доел миску и оставил их там – и безухого, и бродягу, что рассматривал пузырьки в кофе.

«Ну и вечерок складывается. Хотя что еще может произойти?» – подумал я. И ошибся.

Я решил перейти Аламеду за марками. Движение было сильное, им управлял молоденький регулировщик. Затева-лась катавасия. Молодой человек передо мной все время орал регулировщику:

– Ну давай, пропусти уже нас – какого черта? Мы и так уже целую вечность тут стоим! – Но регулировщик махал и дальше машинам. – Давай же, да что с тобой такое? – надса-живался парнишка.

Чокнутый, должно быть, подумал я. Симпатичный вроде, молодой, крупный – футов шесть с гаком, фунтов двести ве-су. В белой футболке. Нос великоват. Пива хлебнул навер-няка, но не вдрабадан напился. Тут регулировщик дунул в свисток и показал, чтобы люди проходили. Паренек шагнул на мостовую.

– Ладно, пошли все, теперь *можно*, переходить *безопас-но!* – Это ты так думаешь, малец, подумал я. Парнишка раз-махивал руками. – Пошли уже, народ!

Я шел сразу за ним. И увидел, какое лицо у регулиров-щика. Оно очень побелело. У него сощурились глаза. Регу-лировщик был низенький, кряжистый, молодой. И он напра-вился к парнишке. Ох господи, вот и начинается. Парнишка заметил, что регулировщик к нему идет.

– Не ТРОГАЙ меня! Не смей меня ТРОГАТЬ!

Регулировщик схватил его за правое плечо, что-то сказал, попробовал отвести обратно на тротуар. Парнишка вывернулся и зашагал прочь. Регулировщик побежал за ним, завернул ему руку за спину. Парнишка вырвался, и они принялись кружить и меситься. По тротуару шаркали ноги. Люди стояли и смотрели издалека. Я был совсем рядом. Несколько раз пришлось даже отойти. Ну вот о чем я думал, а? Они боролись на тротуаре. У регулировщика слетела фуражка. Тут я занервничал. Регулировщик без фуражки совсем не походил на полицейского, но у него оставались дубинка и пистолет. Парнишка опять вырвался и побежал. Регулировщик прыгнул на него со спины, рукой перехватил ему шею и попробовал загнуть назад, но парнишка крепко стоял на ногах. А потом оторвался. Наконец регулировщик прижал его к железному ограждению парковки у заправки «Стандарта». Белый парнишка, и регулировщик тоже белый. Я глянул через дорогу и увидел пятерых черных – они ухмылялись и наблюдали. Выстроившись под стеночкой. Регулировщик опять надел фуражку – теперь он вел парнишку по улице к телефону.

Я зашел, купил марок в автомате. Ночка не задалась. Из автомата могла выпасть и змея. Но отдал он мне только марки. Я поднял голову и увидел своего приятеля Бенни.

– Видал, что делается, Бенни?

– Ага. Как его в участок приведут, так все натянут кожа-

ные перчатки и вышибут из него дух.

– Думаешь?

– Ну дак. В городе – что и в округе. Лупят. Я только что из новой окружной вышел. Там новым легавым дают над зэками изгаляться для разминки. Их лупят, а они орут – далеко слышать. А эти потом хвалятся. Я сижу, а один лягаш мимо проходит и говорит: «Только что кирюху измордовал!»

– Я слышал, да.

– Дают позвонить один раз вначале, а один тип как-то слишком долго разговаривал. Ему: давай кончай. А он: минуточку, еще минуточку! – и тут легавый разозлился, трубку у него вырвал и повесил, и парень разорался: «У меня права, вы не имеете права!»

– И что потом?

– Ну, четверо его подхватили сразу. Так быстро, что он просто взлетел над полом. Заволокли в соседний кабинет. Хорошо было слышать, когда они его обрабатывали. Знаешь, нас там выстраивают, раком загибают и в жопу заглядывают, в ботинки смотрят, чтобы дури не пронесли. Так этого парнишку приволокли голого, загнули, а он стоит, дрожит весь. По всему телу красные рубцы. Они его там и бросили, голого, под стенкой. Досталось ему будь здоров.

– М-да, – сказали. – Я как-то вечером ехал мимо приюта «Союз»¹⁴, а там двое полицейских пьянчугу забирали. Су-

---

¹⁴ «Союз» – частный христианский приют для бездомных в трущобах Лос-Анджелеса, основан в 1891 г.

нули на заднее сиденье, один легавый к нему туда залез, и я слышу, пьянчуга говорит: «Ты, блядь, мерзкий мусор!» И вижу – легавый берет дубинку и концом со всего маху – пьянчуге прямо в живот. Так сильно, что мало не покажется, меня чуть не стошнило прямо там. Так ведь мог бы и живот ему распороть, или внутреннее кровотечение бы началось.

– Да-а, мир отвратителен.

– Вот видишь, Бенни. Ладно, увидимся. Ты уж поосторожней.

– Ну да. Ты тоже.

Я нашел свою машину и поехал по Сансету обратно. Доехав до Альварадо, свернул на юг и немного не докатил до Восьмой улицы. Поставил машину, вышел, отыскал винную лавку и купил квинту виски. Потом заглянул в ближайший бар. Вот она. Эта моя рыжая с грубым лицом. Я подсел, похлопал по бутылке.

– Пойдем.

Она допила и вышла за мною следом.

– Приятный вечер, – сказала она.

– Еще какой, – ответил я.

Мы добрались до меня, и она ушла в ванную, а я сполоснул два стакана. Выхода нет, подумал я, ниоткуда нет выхода.

Она вошла в кухню, прижалась ко мне. Губы себе наново накрашила. Она меня поцеловала, весь рот мне вылизала своим языком. Я задрал ей платье, прихватив и горсть трусиков. Мы стояли под электролампочкой, сцепившись. Ну че-

го, штату своего подходящего придется еще немного подождать. Губернатор Дьюкмейджан¹⁵ меня поймет. Мы расцепились, я налил обоим, и мы перешли в комнату.

---

¹⁵ Куркен Джордж Дьюкмейджан-мл. (р. 1928) – американский политик, губернатор штата Калифорния в 1983–1991 гг.

900 фунтов

Эрик Ноулз проснулся в номере мотеля и огляделся. На другом краю широченной кровати друг вокруг дружки обернулись Луи и Глория. Эрик нашел степлившуюся бутылку пива, открыл, забрал с собой в ванную и выпил под душем. Ему, блядь, было тошно. Теорию о теплом пиве он слышал от знатоков. Не помогло. Он вышел из-под душа и сблевал в унитаз. Потом опять зашел под душ. Если ты писатель, беда вот в чем – главная беда: свободное время, чересчур много свободного времени. Приходится ждать, пока не припрет, чтобы смог писать, а пока ждешь – сходишь с ума, и пока сходишь с ума – бухаешь, а чем больше бухаешь, тем больше сходишь с ума. Ничего блистательного в жизни писателя нет – да и в жизни бухаря тоже. Эрик вытерся, надел трусы и вышел в комнату. Луи с Глорией просыпались.

– Ба-лять, – сказал Луи. – Господи.

Луи тоже был писатель. На квартиру не хватало, как Эрику, поэтому за него платила Глория. Из всех его знакомых писателей Лос-Анджелеса и Голливуда три четверти жило за счет женщин; писателям этим таланта хватало не на пишущие машинки, а на баб. Писатели этим бабам продавались как духовно, так и физически.

Эрик услышал, как Луи блюет в ванной, и у него самого подступило. Он нашел пустой бумажный пакет, и всякий раз,

когда тошнило Луи, тошнило и его. Дуэт что надо.

Глория была ничего. Недавно устроилась старшим преподавателем в колледж на севере Калифорнии. Она вытянулась на кровати и сказала:

– Ну, вы, ребята, даете. Блевотные близнецы.

Из ванной вышел Луи.

– Эй, ты это надо мной смеешься?

– Куда там, детка. У меня просто была тяжелая ночь.

– У нас всех была тяжелая ночь.

– Я, наверно, еще теплым пивом полечусь, – сказал Эрик.

Открутил пробку и попробовал еще раз.

– Ну ты ее и подавил, – сказал Луи.

– В смысле?

– В смысле, что, когда она бросилась на тебя через кофейный столик, ты как при замедленной съемке всё. Совсем не возбуждился. Просто взял ее за одну руку, потом за другую – и перекатил. А потом сам забрался сверху и сказал: «Да что с тобой такое?»

– Пиво помогает, – сказал Эрик. – Сам попробуй.

Луи отвернул крышку и сел на край кровати. Луи редактировал один журнальчик – «Бунт крыс». Издавался на ротаторе. Маленький журнал, не лучше и не хуже прочих. Все они надоедали; таланта с гулькин нос, да и то не всегда. Луи теперь делал 15-й не то 16-й номер.

– Она ж у себя дома, – сказал Луи, припоминая, что было ночью. – Она сказала, что это ее дом, а нам всем надо выме-

таться.

– Разница идеалов и точек зрения. С ними всегда неприятности, и разница эта есть тоже всегда. А кроме того, она и *была* у себя дома, – сказал Эрик.

– И я, наверное, пивка хлебну, – сказала Глория. Встала, надела платье и нашла себе теплое пиво.

«Ничего так себе старший препод», – подумал Эрик.

Они сидели и пытались влить в себя это пиво.

– Кому телевидения? – спросил Луи.

– Только попробуй, – сказала Глория.

Вдруг оглушительно грохнуло – стены затряслись.

– Боже! – сказал Эрик.

– Что это? – спросила Глория.

Луи подошел к двери и открыл. Они были на втором этаже. Имелся балкон, а сам мотель построили вокруг бассейна. Луи глянул вниз.

– Вы не поверите, но в бассейне сейчас – мужик фунтов в пятьсот весом. А взорвалось, когда он туда прыгнул. Я таких больших никогда не видел. Огромный просто. А с ним еще кто-то, фунтов четыреста. Похоже, сын. Вот сейчас сынок этот прыгать собирается. Держитесь!

Еще раз взорвалось. Стены опять тряхнуло. Из бассейна взметнулась вода.

– Теперь плывут парочкой. Ну и видок!

Эрик и Глория подошли к двери и выглянули.

– Опасная ситуация, – заметил Эрик.

– То есть?

– То есть, поглядев на весь этот жир внизу, мы неизбежно им что-нибудь заорем. Детский сад, понимаешь. Но у нас похмелье, поэтому случиться может что угодно.

– Ага, так и вижу – они бегут сюда и колотят в дверь, – сказал Луи. – И как мы тогда справимся с девятью сотнями фунтов?

– Да никак, даже если б не болели.

– А раз болеем, и подавно.

– Ну да.

– ЭЙ, ЖИРНЫЙ! – заорал вниз Луи.

– Ой нет, – сказал Эрик. – Ой нет, пожалуйста. Мне нехорошо...

Оба толстяка задрали головы из бассейна. На обоих были голубенькие плавки.

– *Эй, жиртрест!* – вопил Луи. – *Спорим, ты перднешь – и водоросли отсюда до Бермуд долетят!*

– Луи, – сказал Эрик, – там нет водорослей.

– *Там нет водорослей, жирный!* – орал Луи. *Ты их все, наверно, жопой засосал!*

– О боже мой, – сказал Эрик. – Я писатель, потому что трус, а теперь мне грозит внезапная и насильственная смерть.

Толстяк побольше вылез из бассейна, тот, что помельче, – за ним. Слышно было, как они поднимаются по лестнице – шлеп, шлеп, шлеп. Стены вздрагивали.

Луи запер дверь и накинул цепочку.

– Ну какое отношение это имеет к приличной и законопослушной литературе? – спросил Эрик.

– Наверно, никакого, – ответил Луи.

– Все ты со своим блядским ротатором, – сказал Эрик.

– Мне страшно, – сказала Глория.

– Нам всем страшно, – сказал Луи.

Тут к двери снаружи подошли. БАМ, БАМ, БАМ, БАМ!

– Чего? – спросил Луи. – В чем дело?

– *Открывай дверь на хуй!*

– Никого нет дома, – сказал Эрик.

– *Я вам, ублюдки, покажу!*

– Ой, сэр, покажите *мне*, пожалуйста! – крикнул Эрик.

– Ты зачем это сказал? – спросила Глория.

– Черт, – сказал Эрик. – Я просто пытаюсь ему не перечить.

– *Открывайте, или я так зайду!*

– С таким же успехом можешь и потрудиться, – сказал Луи. – А мы посмотрим, как у тебя получится.

Они услышали, как туша навалилась на дверь. Та выгнулась и подалась.

– Все ты со своим блядским ротатором, – сказал Эрик.

– Это хорошая была машина.

– Помоги мне дверь подпереть, – сказал Эрик.

Они уперлись в дверь, противостоя гигантской массе. Дверь слабла. Потом донесся еще один голос:

– Эй, что тут происходит?

– Я сейчас этим хулиганам урок преподам, вот что тут происходит!

– Дверь сломаешь – вызову полицию.

– Че?

Еще один бросок на дверь – и все успокоилось. Остались только голоса.

– Меня досрочно освободили за оскорбление действием. Может, и не стоит сейчас так кипятиться.

– Ага, ты это... остынь, чтоб никого не покалечить.

– Но они мне купаться мешали.

– Есть вещи поважнее купания, мужик.

– Например, пожрать, – сказал через дверь Луи.

БАМ! БАМ! БАМ! БАМ!

– Тебе чего надо? – спросил Эрик.

– *Слушайте сюда, ребята! Еще хоть один звук от вас – всего один – и я зайду!*

Эрик и Луи промолчали. Два толстяка удалились по лестнице.

– По-мойму, мы б их завалили, – сказал Эрик. – Жирные ж неповоротливые. Легко.

– Ага, – сказал Луи. – По-моему тоже, мы б их завалили. То есть если б захотели.

– У нас пиво кончилось, – сказала Глория. – А холодненького бы не помешало. У меня совсем нервы разболтались.

– Ладно, Луи, – сказал Эрик. – Ты идешь за пивом, а я

плачу.

– Нет, – ответил Луи, – идешь ты, плачу я.

– Я плачу, – сказал Эрик, – а за пивом отправим Глорию.

– Ладно, – сказал Луи.

Эрик дал Глории денег, проинструктировал, они открыли дверь и выпустили ее. В бассейне никого не было. Славное калифорнийское утречко – смог, затхло и безжизненно.

– Все ты со своим блядским ротатором, – сказал Эрик.

– Да хороший журналец, – ответил Луи. – Не хуже других.

– Наверно.

А потом они вставали и садились, садились и вставали, дожидаясь, когда же Глория вернется с холодным пивом.

Упадок и разрушение

В «Голодном алмазе» был понедельник. Внутри всего двое – Мел и бармен. Днем по понедельникам Лос-Анджелес – ебеня; даже вечером в пятницу это ебеня, но особенно – днем по понедельникам. Бармен – его звали Карл – пил втихаря у себя под стойкой, а напротив него лениво нависал над выдохшимся зеленым пивом Мел.

– Я те должен че-то сказать, – сказал Мел.

– Валяй, – ответил бармен.

– Тут это... как-то вечером мне один тип звонит – я раньше с ним работал в Акроне. Его уволили, потому что бухал, а он женился на медсестре, и теперь эта медсестра его кормит. Мне такие люди до лампочки, но сам же знаешь, какой сейчас народ – как бы виснут на тебе.

– Ну, – сказал бармен.

– В общем, они мне звонят... Слушай, плесни-ка мне еще пива, это просто моча какая-то.

– Ладно, только ты пей быстрее. Оно выдыхается через час.

– Хорошо... и говорят мне, что решили нехватку мяса – я думаю: «Какая такая нехватка мяса?» – и чтоб я приезжал. Мне делать нечего, я беру и еду. Играют «Сент-Луисские Бараны», и этот мужик, Эл зовут, включает телик, и мы садимся смотреть. Эрика – это ее так зовут, – она где-то на

кухне салат делает, а я пару упаковок пива привез. Здравствуйте, говорю, Эл откупоривает, там славно и тепло, духовка включена... В общем, удобно. Они, похоже, пару дней не ругались, ситуация спокойная. Эл что-то тележит про Рейгана, про безработицу, только я ему ответить не могу, мне скучно. Понимаешь, плевать мне, прогнила страна или нет, если только мне *самому* все удастся.

– Ну да, – сказал бармен, отхлебнув под стойкой.

– В общем. Она выходит, садится с нами, пиво пьет. Эрика. Медсестра. Говорит, для всех врачей больные – как скот. Говорит, все врачи шустряты. Думают, свое не пахнет. И ей лучше бы с Элом, чем с каким-нибудь врачом из нынешних. Ну а это глупое заявление, так?

– Я-то Эла не знаю, – ответил бармен.

– Ну, мы в картишки перекидываемся, «Бараны» проигрывают, и вот через несколько партий Эл мне говорит: «Знаешь, у меня странная жена. Ей нравится, чтобы кто-то смотрел, когда мы эт-самое». «Ну да, – подтверждает она, – меня это стимулирует». А Эл такой: «Но так трудно заставлять кого-то смотреть. Думаешь, вроде легко, а на самом деле дьявольски трудно...» Я им ничего не отвечаю. Прошу две карты, ставку на никель повышаю. А она карты откладывает, и Эл свои бросает, и они оба встают. Она давай по комнате пятиться, Эл за ней. «Ты блядь, – говорит, – ты блядина ебаная!» Ходит мужик передо мной и жену свою блядью обзывает. «Блядь!» – орет на нее. Загоняет ее в угол, шмяк

по морде и давай кофточку с нее сдирать. Опять орет: «Ты блядь!» – и опять ей по морде, она аж на ногах не удержалась. У нее уже юбка порвана, она ногами от него отбивается и кричит... Он ее подымает, целует, потом шварк на кушетку. И давай по ней ползать – целует, одежду на ней рвет. Потом трусики содрал и заработал. И пока он этим занимается, она из-под него зырит, все ли мне видно. Видит, что я наблюдаю, – и давай извиваться, просто как змея бесноватая. В общем, постарались они на славу, кончили; она встает и уходит в ванную, а Эл – на кухню за пивом. «Спасибо, – говорит, когда опять в комнату заходит, – ты нам очень помог».

– А потом что? – спросил бармен.

– Ну, «Бараны» наконец забили, в телевизоре шум поднялся, а она выходит из ванной и идет на кухню... Эл опять про Рейгана заводит. Говорит, это все – Упадок и Разрушение Запада, как Шпенглер¹⁶ писал. Все такие жадные, такие растленные, все прочно гниет. И вот в этом духе еще какое-то время тележит... Потом Эрика зовет нас за столик в кухне, а там уже накрыто, и мы садимся. Пахнет хорошо – жарким. А поверху – ломтики ананаса. Похоже на бедро – и я вижу там что-то вроде колена. «Эл, – говорю, – а ведь похоже на человечью ногу, если брать от колена и выше». «Ну да, – говорит Эл, – это она и есть».

---

¹⁶ Персонаж явно путает «Историю упадка и разрушения Римской империи» (1776–1788) английского историка Эдварда Гиббона (1737–1794) с «Закатом Европы» (1918–1922) немецкого философа Освальда Шпенглера (1880–1936).

– Так и сказал? – спросил бармен, нагибаясь отхлебнуть.

– Ну, – подтвердил Мел. – А когда такое слышишь, тут же прямо не знаешь, что и думать. Вот *ты*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.